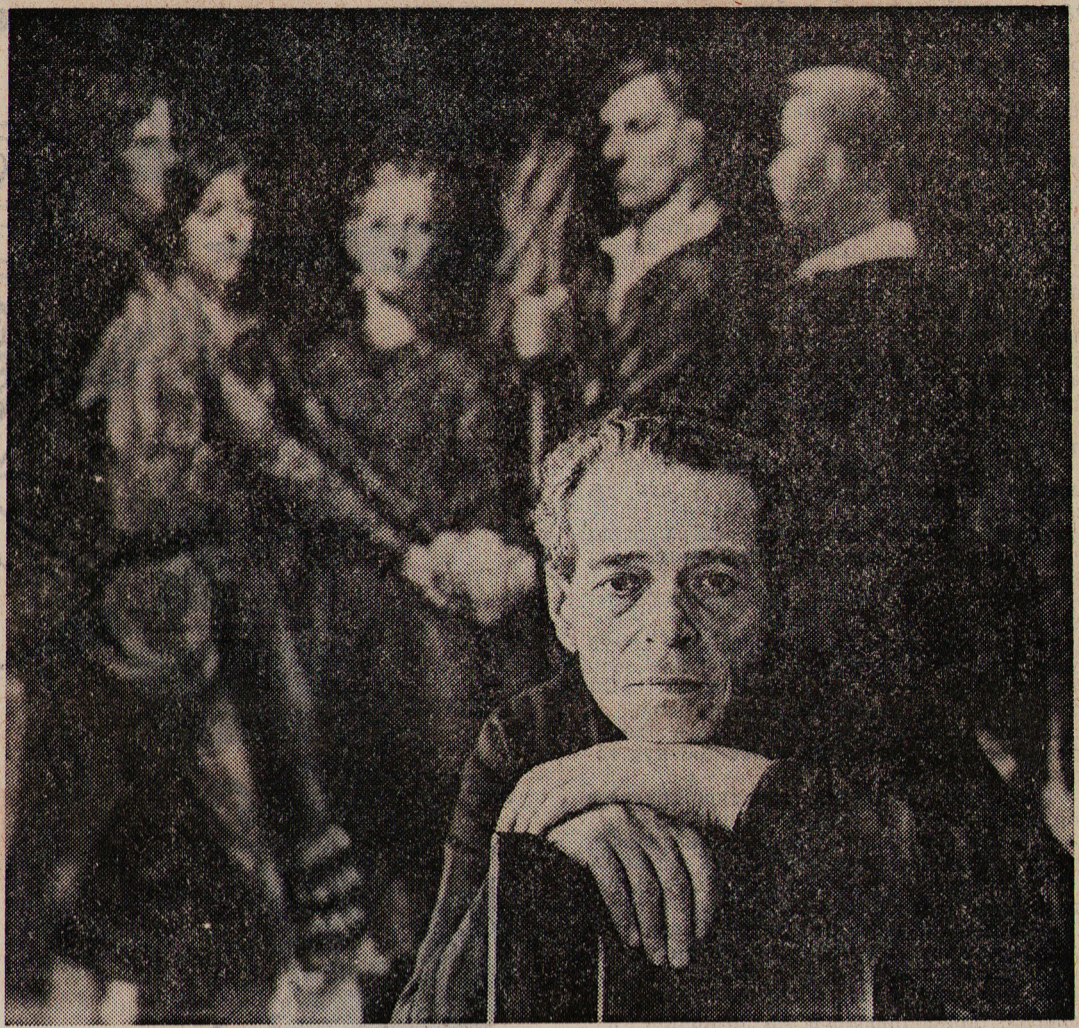

МУЖЕСТВО

Херсонес, сорок четвертый год. Мне довелось быть на Херсонесе на другой день после того, как его покинул враг. Берег был завален трупами — это море вернуло тех, кто пытался уйти на плотках. Но спустившись к воде, я сумел рассмотреть отвесные камни и даже войти в пещеры. Стены были испещрены надписями, при этом и русскими. Оказывается, херсонесские камни были последним прибежищем и наших воинов, защищавших Севастополь. Немногих враг взял в плен. Михаил Андреевич Савицкий оставался среди этих последних бойцов. За плечами было двести пятьдесят дней сева­стопольской страды, впереди... Сказать, что впереди были Бухенвальд и Дахау, — не все сказать, хотя это уже говорит о многом. Впереди был ад фашистского плена. Думаешь об этом, и единственно, что ставит тебя в тупик: где границы испытания человека и есть ли в природе такое, что не под силу ему? И вот что изумляет: как у человека, который пережил все это, остались еще силы, чтобы сотворить то, что он сотворил, — я говорю об искусстве Михаила Савицкого? А может, он сотворил все это именно потому, что выпала ему на долю такая судьба?..

Наверное, пролог этот необходим к разговору, который нам предстоит, — без этого не понять всего, что сделал Савицкий в искусстве. С такой прямо­той и неколебимостью, как с его полотном, может смотреть на вас только правда.

Есть у него картина «Узник 32815». Человек в полосатой робе военнопленного с биркой на шее встал перед нами, сжав кулаки. И дело не только во внешнем сходстве — весь строй картины, весь психологический лик человека, изображенного на ней, свидетельствует: это автопортрет. Он стоит перед вами, словно бы вышедший из страшного ада, диковинно изможденный, но гордый своей сутью, бескомпромиссный в своем достоинстве. Художник увидел себя из сегодняшнего дня? И одна эта мысль ошеломляет: какое чувство испытал он, сам вызвав в сознании образ своей беды?.. Человек способен обратиться взглядом не только в прошлое, но и в будущее. Да, в будущее, к тем, кто идет за ним и еще придет. Он говорит им то, что может, что должен сказать. «Я расскажу, а ты думай, — может сказать художник. — Но тебе надо знать: я расскажу правду, и пусть твоя дума не отступит от правды».

Если фашизм был чумой двадцатого века, то и наказ грядущему так и будет гласить: что явила эта чума своему веку и как люди, собрав силы, изгнали чуму.

По крайней мере наши потомки, обратившись к живописи Савицкого, так и прочтут ее. Очевидно, человек в полосатой робе, открыто и прямо смотрящий на нас едва ли не из преисподней, должен был сказать о происшедшем нечто такое и так сказать, что явилось бы для людей если не откровением, то не повторением известного.

Тут все прошло через сердце, все одинаково сильно, но если надо назвать картины, в которых преломились достоинства всего цикла, то я бы назвал «Поющих коммунистов» и, конечно, «Отбор». Для всех картин, пожалуй, самое характерное: смерть, ужас смерти. Но это не просто смерть, а столкновение ее с жизнью, воинственной жизнью, способной поправить смерть, если даже цена этому гибель. Именно так мы понимаем «Поющих коммунистов». Сильнейшая сторона этой живописи — лица обреченных. Дыхание смерти, выплеснувшееся на лица. Движение утопившихся губ, прывалы глаз, особая угловатость скулы, желтизна и прозелень лиц — ни при каких обстоятельствах это не может написать человек, который того не видел.

Только подумать: через четыреста лет после неистовства инквизиции в центре Европы взметнулись к небу ее костры. Коммунисты поют и на костре. Нам скажут: безумные! Но это тот род безумства, который ведет людей на подвиг, тот род подвига, который прокладывает путь миллионам. И именно так понимает подвиг коммунистов художник. Истинно, жертвы инквизиции гибнут, смерть поправ.

Картина Савицкого — это положенный на краски гимн человеческой совести, как и честности, и отваги человека. Но вот что заслуживает быть отмеченным: те, кого палачи возвели на костер, в глазах художника обрели черты атлантов. Не будь картина гимном мужеству, как все гимны, патетическим, она, быть может, потребовала бы иного решения. Но это бы деформировало замысел и лишило полотно смысла, в котором а есть полная мера мысли, масштабной и благородной.

Сострадание к человеку, к мукам, которые он принял в этой войне, нигде, пожалуй, не достигает такой силы у Савицкого, как в картине «Отбор». Именно сострадание, жгучее, отзывющееся острой болью, — девять девушек, возрастом не больше девятнадцати, раздеты догола: предстоит отбор, у которого своя жестокая цель... Страшная неотра­зимость этого полотна — в лицах девушек, в чистоте их натур, может быть, наивных в своей юности, почти детской прелесть. Быть может, сверстницы-десятиклассницы, возможно, дети одной судьбы, и все-таки как отличны одна от другой, как непохожи! Горе сковало девушек, но каждая из них стремится возобладать над этим горем по-своему. Одна, закрыв лицо руками и как бы доверившись судьбе, другая, обратив свою мысль к проиходящему, третья, обратившись к руке и, сходящей, трезвая к неведомой

силе, четвертая... Разные лица, но единые, повторяю, своей сутью, в которой отразилось то доброе, что взросло в них вместе с отцами и братьями, вставшими на защиту Отечества, в защиту этих девушек, преданных поруганию... Впечатление такое, что каждую из девушек художник написал с натуры, задавшись целью по возможности приблизиться к их истинному лику, и сколь велики нравственные достоинства юных душ: их чистота, открытость, вера в добро, хотя жизнь столкнула их с таким проявлением зла, которое останется в веках, как предел человеческого падения.

Если же говорить о склонности художника к современному живописному языку, то, конечно, надо сказать об одном из могучих средств, которое Савицкий взял на вооружение, — символу, символ. Примером тому может служить его картина «Мать партизана». Розовое в желтых отсветах небо и следующие одна за другой черные виселицы. Едва не упер в основание черного столба босые ноги, сидит нестарая женщина — ее лицо скорбно: это скорбь памяти, скорбь воспоминаний — только глаза, обращенные на вас, отказываются вас видеть. И из розовой мглы — из мглы воспоминаний, раскрыв и взметнув ручонки, даже не мчит, а летит малыш, удивительно похожий на женщину, которая сидит на земле, вытянув свои босые ноги. Не силой ли своей скорби женщина вызвала в памяти образ сына, казненного через повешение?.. В том, что он для нее остался малышом, — своеобразность материнского видения: ей хочется видеть его таким!.. Смотришь на это полотно и думаешь: вот что может искусство, если оно дерзает.

Истати, как я не раз замечал, молодой наш современник не испытывает трудностей в постижении произведения, в котором присутствует элемент условности. Очевидно, современная жизнь, как, разумеется, и современное искусство, сыграла тут свою роль, мне кажется, благодарную. Наверное, в одном полотне трудно объять столь многосложное понятие, как Белоруссия военных лет, если ты не прибегнешь к аллегории. Полотно это публицистично, в нем смотрят на нас партизанская республика, ее история, ее тяжкая военная година и, главное, ее герой-народ. «...Сколько выросло здесь Прометеев на сейдой белорусской земле!» — хочется повторить за поэтом. И, возможно, чтобы полотно зазвучало во всю силу, обьяв полноту смысла, которую хотел ему сообщить художник, недоставало именно той детали, о которой хочу сказать. Художник определил для себя эту деталь, определил со свойственной ему решимостью: мы говорим о женщине-знаменосце с багровым стягом, которая осенила им родной народ, а вместе с ним его мужество, скорбь и слезы.

У красного стяга, осявшего этот край, своя славная история, как свой биографический подтекст в этом факте и у Савицкого: тот, кому ведома жизнь художника, знает, что он пришел в наш день по слову поэта, с революцией в сердце. И это очень точно ощущимо в его полотнах, воссоздающих революционное дело Ленина. На мой взгляд, лучшее из этих полотен — «Первые декреты». В этой картине со свойственной Савицкому лаконичностью отвечено на один из главных вопросов революции: кого обрало имя и знамя Ленина. Нет, здесь не просто групповой портрет, по-своему талантливо написанный и скомпонованный, — это нечто такое, что хочется назвать принципом. Вы взгляните, какая необыкновенно яркая плеяда людей собралась вокруг большого революционного дела! Сколько в этих людях таланта, деятельной энергии, истинной духовности, интеллекта, готовности служить идее!.. Конечно, художник мог показать Ленина и в иной сфере его многогранной деятельности, но картина «Первые декреты» дает нам образ вождя в таком историческом, идейном и человеческом аспекте, какой раскрывает сущность революции и в ретроспекции, и, конечно, в перспективе, сохранив ее великий смысл и масштабность.

Мне нравится все, что художник создал, прикоснувшись к своему родному краю, и что продолжает волновать его по сей день. Есть нечто необоримое в том, как он принимает в себя сознание народа. Думаю, не ошибусь, если скажу: народ узнал Савицкого по «Партизанской мадонне». И слава пришла к художнику с этим произведением. У картины явилась своя судьба: народ увидел в ней такое, что стало эмблемой сражающейся Белоруссии. И тут, что называется, воля народа...

Спустя много лет после «Матери партизана» он написал свою «Мадонну Минскую». Если говорить о самом лике Минской мадонны, то это тот пример, когда человек взглянул на вас своими глазами жестокой годины: ему по силам постичь масштабы и смысл трагедии, как по силам обратиться к вам вопрос, в котором вся полнота происшедшего. Я уже не говорю о том, что колорит полотна, в котором главенствуют краски грозы, краски ненастья, очень точно аккомпанирует сути того, что говорит нам образ матери-мадонны.

Бескрайне душевные способности человека, поистине беспредельна его спелость бытия, противостоять злу. Оглядываясь на путь, пройденный Савицким, трудный его путь, и спрашиваешь себя: что этот художник еще сможет? А он сможет — порукой тому его жизнь, как и жизнь в искусстве.

Савва ДАНГУЛОВ.

● Народный художник СССР М. Савицкий. Фото В. Межева (ТАСС).